

Герои

XXI век

Кончилась советская эпоха с ее жестокостью и жертвенностью, с великими порывами духа и низостью, с идеалами коллективизма и двоемыслием. Мы живем в стране, где нет никакой общеобязательной государственной идеологии, где каждый вправе думать, говорить и делать все, что хочет, — в рамках весьма либерального Уголовного кодекса. Нынешнему уровню личных свобод и материального достатка могли бы позавидовать многие поколения. А с другой стороны... когда нет великих идеалов, то нет и великих жизненных целей, точнее, целью становится потребление — вещей, услуг, развлечений.

Может ли в такой среде родиться настоящий героизм, предполагающий самоограничение ради чего-то высшего? Способен ли современный человек к подвигу — или время подвигов осталось где-то там, в глубинах истории?

Оказывается, способен. Оказывается, то начало, что двигает человека, что позволяет ему преодолеть себя, никуда не делось — пускай и хуже заметно за яркой мишурой обыденности. Совесть, честность, любовь к людям и к Богу — все это присуще человеческой природе и потому проявляется в любую эпоху. Наша — не исключение.

Владимир Крупенников

Чемпион в инвалидной коляске

Более 20 лет назад, во время службы в армии, он сорвался с вышки и сломал позвоночник. Спасаться, конечно, можно и в четырех стенах, но у Владимира жизнь складывается по-другому: он совершил восхождения на Эльбрус и Казбек, переход через Альпы, экспедиции в Заполярье и на Камчатку, завоевал титул чемпиона мира по армрестлингу среди здоровых людей. Владимир помогает многим людям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, поверить в себя и найти смысл в том, что с ними произошло. А о своей судьбе говорит: «Господь ничего не попускает просто так. Если б я не разбился, не пришел бы к Богу». Мы попросили Владимира рассказать о своей жизни.

Я не сразу понял, что надо научиться задавать себе вопрос не «за что мне это?», а «для чего?». Бог ничего зря не делает. Я понимаю, что, наверное, травма была единственным способом привести меня к вере, привести меня в Православие. Потому что Господь не посылает нам таких тяжелых испытаний просто так, без веских причин, если есть какие-то другие варианты. Видимо, я был настолько бездуховен, что другого варианта не было.

Но поверил я не потому, что разбился и другой альтернативы у меня не оставалось. Просто после травмы я начал большее значение придавать духовной жизни, духовным поискам, появилось больше возможностей думать и читать об этом. Скорей всего, будучи здоровым, я бы интересовался совсем другими вещами. Да и со своим характером в «лихие 90-е» точно что-нибудь натворил бы! Господь от многого явным образом меня уберег.

До травмы никакой духовной жизни у меня не было: я вырос в неверующей семье, сам был атеистом, комсомольцем, о Боге никогда и не задумывался, рассуждал в духе своего времени. Хотя негативного отношения к Православию у меня никогда не было. Во-первых, потому что я всегда себя осознавал русским человеком и понимал, что христианство, Православие неразрывно связано с русской историей. А во-вторых, видимо, в мое сознание глубоко запала история из моего детства...

У моей покойной бабушки была глубоко верующая соседка, довольно старенькая. Однажды она пришла к нам в гости, и бабушка мне, ребенку, школьнику, шепотом говорила: «Вот, она в Бога верит». А я очень удивлялся: «Ну как же так? Нас же учат в школе, что Бога нет!» И я, издеваясь, стал говорить той соседке: «А Бога нет! Бога нет! Бога нет!» Она спокойно к этому отнеслась, но после ее ухода бабушка мне сказала: «Внучок, ты так больше не говори. Ты знаешь, мы все говорим сейчас, что Бога нет. А когда умираем, все Боженьку вспоминаем и просим: „Господи, помилуй!“»

Кажется, тогда я впервые об этом задумался.

Мои поиски начались с восточной мистики — поскольку я занимался восточными единоборствами, меня стало интересовать, в первую очередь, дыхание цигун, ушу, медитация. Они меня, как спортсмена, привлекали возможностью научиться концентрироваться и владеть своим телом. Да и мода на Восток пошла — самое начало 90-х годов, в Россию хлынули всякие колдуны, экстрасенсы, гуру...

Почему меня все это так заинтересовало? Потому же, почему Ева съела запретный плод: «Будете как боги» — вот был главный соблазн. То есть желание приобрести сверхспособности, недоступные другим людям. К экстрасенсам я, естественно, ходил за выздоровлением. Но ➡

**ВЛАДИМИР
АЛЕКСАНДРОВИЧ
КРУПЕННИКОВ**

Родился в 1969 году в Москве. С 6 лет занимался боевыми искусствами. Учился в МИТХТ им. Ломоносова (химический факультет), был призван в армию, где получил травму позвоночника и стал инвалидом 1-й группы. Продолжил занятия спортом. Вершина спортивной карьеры — титул чемпиона мира по армрестлингу (среди здоровых людей). Участвовал в нескольких экспедициях инвалидов: совершил восхождение на гору Казбек (5047 м, 1995 год), возглавил команду альпинистов при восхождении на гору Эльбрус (5642 м, 1997 год), организовал и осуществил переход по следам армии Суворова через Швейцарские Альпы (1999 год), экспедицию по рекам Заполярья на плато Путорана (300 км, 2000 год) и по горным рекам Камчатки (400 км, 2006 год). Владимир одним из первых среди инвалидов прыгнул с парашютом. В 1999 году окончил МГСГИ по специальности «Прикладная математика и вычислительная техника». Преподает в МГУ на факультете вычислительной математики и кибернетики. Председатель правления региональной общественной организации «Стратегия», специализирующейся на реабилитации и обучении инвалидов. Ведущий социальной передачи «Фактор жизни» на ТВЦ. Член Общественной палаты. Женат. Жена Ирина, модельер.

параллельно думал: «А может, я тоже так смогу, как они?» Ну, такой вот бред...

И, кроме того, я тогда был совсем молодой, и меня, как и всякого ребенка, всегда интересовали фантастика, мистика, какие-то сказки. Поэтому все, что было связано с непознанным, непонятым миром — вроде «летающих тарелок», всяких сверхспособностей человека — меня интересовало. Так я стал читать литературу, углубляться в эту тему...

Крестился я, еще будучи в самой пучине моих оккультных переживаний. Уговорила мама. После того как я разбился, она, в прошлом атеистка, сама покрестилась, а потом и мне стала говорить: «Давай покрестимся».

Крещение мной воспринималось как сакральный, мистический обряд, и я до конца не понимал: нужно ли его совершать или нет, поможет оно развитию каких-то сверхспособностей или, наоборот, помещает? Но все-таки пошел.

Во время таинства я очень смутно понимал, что со мной происходит. Но очень хорошо запомнил, когда священник спросил: «Отрицаешься ли ты сатаны?» В молодости были такие мысли: добро и зло — две стороны одного и того же, злом тоже можно пользоваться, в этом нет ничего плохого. Так что у меня в тот момент мелькнула мысль: «Если я от сатаны откажусь, мне не придется больше рассчитывать на его поддержку». Вот такой бред был у меня в голове! Но я сознательно отрекся, подумав тогда: «Ну, хорошо, раз вопрос стоит ребром, пусть будет так: отрекаюсь».

То, что мой единственный путь — христианство, Православие, я осознал в один миг. Однажды в санатории знакомый дал мне книгу иеромонаха

Серафима Роуза «Православие и религии будущего» — о православном взгляде на секты, восточные культы и практики.

К моменту, когда эта книга оказалась у меня в руках, я уже понимал — что-то в восточной духовности (в том виде, в котором с ней встретился я) не так, все эти гуру, маги и чародеи либо фантазеры и мошенники, либо просто больные люди. Сейчас бы я сказал — одержимые.

Так вот, я прочитал книгу отца Серафима и сразу понял, что могу быть только православным. Как-то все по полочкам в голове разложилось — вся накопленная информация о духовном мире. Еще, помню, подумал: «Я — русский человек, у меня православные предки, чего я всякой ерундой занимаюсь? Чего я ищу? Вот же оно!» И особенно для меня было ценно, что эту книгу написал не русский человек, по рождению не православный. Меня осенило: он, американец, к Православию пришел, а я, живя в исконно православной стране, все шатаюсь из стороны в сторону!

Я в этот же день совершенно сознательно пошел в православный храм.

И мне как-то легко сразу стало, свободно...

Храм Воскресения Господня на Гороховом поле. Он был совершенно разрушенный, огромный, очень сильно пострадал в советское время. Находился храм рядом с Институтом физкультуры, где я занимался. И однажды я в этот храм зашел. Там не было вообще ничего: висела чуть ли не единственная икона — Серафима Саровского, стоял иконостас из фанеры, алтарь, и — никого из людей... Один только священник — отец Василий. Таким образом Господь меня привел к моему духовнику! И так душа у меня к этому храму легла — может, из-за его разрушенности, малолюдства — что я там и остался. В этом храме, кстати, мы с женой и познакомились, и венчались тоже там.

Я, конечно, боялся остаться один и молился о жене. Долго молился и надеялся, хотя мне уже больше 30 лет было.

И вот в один прекрасный день после вечерней праздничной службы отец Василий вывел на амвон молоденькую девушку и сказал: «Прихожане, есть такая-то проблема, девочке-студентке надо помочь. Кто может, помогите». Я подумал: «Как-то неудобно мне подойти к ней: я ж инвалид». А потом меня осенило: «Чего я думаю?! Только недавно мне точно так же отец Василий помог, теперь он просит, а у меня есть возможность помочь человеку — чего тут думать?»

Ирина мне сразу как-то и не приглянулась — сейчас я думаю, что Господь меня таким образом испытывал: как я себя поведу в этой ситуации? И я все-таки подошел, предложил свою помощь. Ира очень удивилась и смутилась. Приняла, что называется, информацию к сведению, но две недели пыталась решить свою проблему какими-то другими способами, не прибегая к моей помощи. Просто она очень стеснялась. Но когда положение стало совсем отчаянным, подруга ее убедила позвонить мне. С этого момента мы и подружились.

И только потом, примерно через полгода, я впервые почувствовал, что этот человек мне очень близок. Но то, что это моя суженая, я понял окончательно только после венчания, когда мы стали жить

вместе. Честно скажу, не кривя душой, на самом деле даже на венчание я шел с определенным страхом, неуверенностью!

Но с каждым годом совместной жизни я все больше осознаю, насколько промыслительно все сложилось и насколько Ира — мой человек. С каждым годом все больше и больше в этом убеждаюсь! Мне кажется, что чувство, которое возникает не сразу, не захлестывает тебя, как волна, а осознается, укрепляется с годами — оно гораздо более ценное.

Просто у меня есть такая потребность — в насыщенной, интересной жизни, и по-другому я бы не смог.

Я не считаю, что все инвалиды обязательно должны стремиться к каким-то невероятным достижениям, экстриму, профессионально спортом заниматься. Самореализоваться можно и по-другому. Кого-то устраивает сидеть дома и ничего не делать — не потому, что нет возможности, просто им не хочется. Я могу понять тех, кто неактивен, и если с христианской точки зрения к этому подходить, спастись можно и в четырех стенах. Но я так не смог бы. Я поднимался в горы, ставил рекорды, ходил в экспедиции не для того, чтоб кому-то что-то доказать. Просто у меня есть такая потребность — в насыщенной, интересной жизни, и по-другому я бы не мог.

Меня очень серьезно морально поддерживал тот факт, что я, инвалид, входил в обычную сборную по армрестлингу и выиграл чемпионат мира. Основная проблема для меня заключалась в том, что здоровые борются стоя — пришлось научиться держать равновесие на костылях. Одной рукой за стол держался, другой — за соперника! Я был лишен возможности делать рывки ногами, спиной, как здоровые спортсмены делают. Были и преимущества: за счет того, что у меня сильно похудели ноги, я по габаритам попадал в весовую категорию немножко пониже. Спорное, конечно, преимущество, но хоть такое!

Однако выступление в обычной сборной самоцелью не было — самоутверждаться так мне кажется неправильным, даже унижительным. Хотя спорт мне очень помог реабилитироваться, я никогда не ставил его во главу угла своей жизни.

Камчатка мне запомнилась больше всего — и по красоте, и по динамике маршрута это был необыкновенный поход, самый лучший. Камчатка — это бурные реки, сплошные пороги, по которым тебя несет со страшной скоростью — адреналин такой! И маршрут был очень сложный даже для здорового человека.

Плывешь на катамаране через бурлящие пороги и думаешь: «Как же мне повезло! Не каждый здоровый себе такое позволить может!» Там ты дышишь полной грудью, чувствуешь, что жизнь полноценная. И все-таки когда ты в лодке, работаешь веслами, ты себя инвалидом перестаешь ощущать — в команде работаешь так же, как и все. Есть, ➔

конечно, определенные трудности: спина плохо держит, поэтому мы думали — привязываться или не стоит? Я все-таки решил не привязываться, потому что если перевернемся — не выплывем.

Мне как-то не по себе, когда говорят, что я герой, пример для подражания. Но, с другой стороны, мне хотелось показать таким же, как я, людям, что жить можно очень насыщенно, быть счастливым и в инвалидной коляске, и с какой-то серьезной болезнью. Для этого и существует телепередача «Фактор жизни» на канале ТВЦ, которую я веду: мы стараемся давать положительные примеры, которые позволили бы людям не падать духом. Главное — не отчаиваться!

Передача выходит далеко не в прайм-тайм — в 8 утра по воскресеньям, но мы нашли выход из этой ситуации: вместе с коллегой, обездвиженным парнем, сделали сайт inva.tv, где выкладываются записи наших передач, полные, не урезанные, интервью, а также съемки из наших экспедиций и вообще все передачи, посвященные инвалидам.

К сожалению, у нас в стране менталитет старый: инвалид — значит никчемный попрошайка, который сидит на шее у государства. А целенаправленной, системной информационной программы слома этого ментального барьера нет. Увы, с каждым годом государственная политика в отношении инвалидов меняется в худшую сторону, хотя декларируется обратное. На деле мы лишаемся то одних, то других льгот, то одних, то других

*Никто не застрахован.
Но Господь такие серьезные
испытания, конечно, просто
так не посылает.*

преимуществ... В этом смысле Запад нас очень сильно обогнал. Посмотрите, американцы сняли очередной голливудский боевик «Аватар». Но как они там инвалида представили! Он сам управляется — на коляске, с оружием, ему никто не помогает. Он еще на коляске с кем-то драться пытался! То есть нормально представили человека, так, как есть, как должно быть в жизни.

У нас на сайте inva.tv есть ролик — запись с камеры наблюдения в каком-то американском супермаркете. Зашел в продуктовый магазин хулиган и стал грабить продавщицу. Рядом оказался парень на коляске, на которого грабитель вообще внимания не обратил; подъехал сзади, схватил этого преступника, вцепился ему в горло, завалил его, начал с ним драться. И пока тот от него как-то пытался освободиться, прибежали другие люди и навели порядок. Но первое движение — человека в инвалидной коляске. И это нормально.

Иногда говорят, вера — это проявление слабости человека, пытающегося уйти от реальности. Я считаю, что сама история эту логику опровергает:

вспомните Александра Невского, мучеников за веру — это что, слабые люди?! Наоборот, по-настоящему верующие люди намного сильнее неверующих, потому что они постоянно умножают свои силы. Ведь на самом деле самый большой труд — это труд молитвы, труд перемены ума, борьбы со своими «любимыми» грехами.

Я думаю, самые сильные духом люди — христиане. Жизнь это подтверждает. Например, у нас есть сосед, Валера, лежащий инвалид, но какой же он жизнерадостный! Валера в свое время служил в силовых структурах, и его товарищ, перезаряжая пистолет, случайно выстрелил и попал ему в позвоночник. Парень он одинокий, родителей у него нет, у брата — своя семья, так что Валера живет один. Лежит, не встает. Но, несмотря ни на что, он по-настоящему, по-христиански счастлив: всегда умиротворенный и радостный. Да еще и своих здоровых друзей из депрессии периодически выводит!

Еще меня поразил покойный Саша Стронин. Мы познакомились за полгода до его смерти и как-то неожиданно быстро сдружились, почти каждый день созванивались. Какое-то поразительное смирение в нем было. Я иногда звонил ему, что называется, «на взводе»: «Ты представляешь, Саш, вот то-то и то-то произошло!» А он всегда умел успокоить, умиротворить, не давал мне принимать решение сгоряча. Это человек удивительного терпения, жизненной стойкости, очень светлый человек.

Когда вера становится образом жизни, ты просто уже без нее не можешь. Самое страшное ощущение, когда начинаешь эту связь с Богом терять, когда заботы, дела тебя затягивают. Я по себе знаю, что если месяц не причащаюсь, то мне становится плохо. А препятствие на пути в Церковь всегда одно — это нежелание отказываться от своих любимых грешков.

Обычно говорят, что этот святой вот для этих, тот святой — вот для тех; военные выбирают себе в покровители Георгия Победоносца, значит и ты, дескать, должен. Мне кажется, в этом есть определенная доля язычества. Мой любимый святой — преподобный Серафим Саровский, потому что мне очень понравилось в Дивееве, это для меня очень родное, близкое место.

И еще — Николай Чудотворец. В честь этого святого освящен один из приделов храма, куда я хожу. И так вышло, что я попал на освящение: как-то раз зашел после тренировки в храм, просто так, на минуту, а началось освящение придела, я и остался. А говорят, когда освящается придел в честь святого, в этот момент там присутствует сам святой... В этом же приделе мы познакомились с Иришкой, там же венчались.

Каждый год на Крещение я обязательно окунаюсь в прорубь. Самое тяжелое — потом одеться. Неудобно, коляска очень сильно остывает, окунувшись, вылез, но вылез-то мокрый, и ты к этой коляске просто примерзаешь. Пока оденешься... Это момент самый тяжелый. А окунуться не тяжело — вода-то теплее, чем воздух!

Я люблю сам в паломничества ездить, с семьей. Но, честно говоря, не очень понимаю погоню за чудесами, за святынями: там замироточило, там кто-то исцелился — надо, мол, ехать! Мне хорошо в Дивеево — и я езжу в Дивеево, купаюсь в источнике, хожу на службы. Господь всегда сам укажет, где тебе надо побывать, Он все так организует, что ты обязательно попадешь туда.

В Греции мы с женой взяли напрокат машину, и получилась паломническая поездка — объездили все монастыри. А поскольку там ручного управления нет, пришлось уговорить жену сесть за руль — это в чужой-то стране, по горным греческим серпантинам!

Вот, скоро надеемся поехать в Иерусалим.

У меня есть друг. Когда он вернулся из госпиталя на коляске, ему жена сказала: «Еще раз сюда приедешь — кипятком оболью». Бывает и так. От меня друзья и семья никогда не отворачивались — наоборот!

Я очень благодарен Богу за то, что он мне дал таких друзей. Когда я разбился, они очень здорово поддерживали меня, всегда были со мной, у нас всегда был полный дом гостей. Друзья не давали мне «закисать», брали с собой на все дни рождения; мы вместе смотрели фильмы, вместе ездили в походы, на природу, на рыбалку, где нужно, они меня на руках переносили, помогали.

Я бесконечно благодарен родителям, которые сделали для меня все, что возможно и невозможно! В те первые годы после травмы я морально не сломался именно благодаря им. Они помогали до момента моей женитьбы, как могли, чем могли, но вместе с тем очень разумно: не «перебарщивая» с помощью, чтобы я не перестал что-либо самостоятельно делать. И это очень правильно. Лучше недодать помощи, чем «переборщить» с ней. Потому что, когда человеку чуть-чуть помощи недодаешь, у него появляется стремление самому из этой ситуации как-то выкарабкаться. Так что

к пережившему травму или болезнь надо стараться относиться так же, как относились до этого.

Изменилось ли мое отношение к людям? Это самый тяжелый, на самом деле, вопрос. Я очень благодарен Богу за то, что он мне посылает очень добрых и хороших людей. И понимаю, что для чистого все чисто. Но если я скажу, что считаю всех людей добрыми, то я слукавлю.

Я думаю, что некоторые люди равнодушны к проблемам инвалидов или относятся к нам как к людям третьего сорта, потому что не понимают: нечто подобное может случиться абсолютно с любым человеком. Например, Сергея Истомина, с которым мы ходили на Эльбрус, выбросили, кажется, с 8-го этажа — и ему ампутировали ноги. А Юра Шаповалов, тоже напарник по восхождению, много лет назад поскользнулся у подъезда, упал и сломал позвоночник. Еще один мой компаньон по экспедиции пострадал во время землетрясения в Армении: упавшая балка разможила ему позвоночник, он чудом выжил.

Никто не застрахован. Но Господь такие серьезные испытания, конечно, просто так не посылает.

Господь из всех тяжелых ситуаций выводит, не оставляет тебя один на один с трудностями. Столько удивительного и замечательного было в моей жизни — тут волей-неволей задумываешься и чувствуешь руку Божию, которая тебя ведет! Я, к сожалению, частенько поддаюсь паническим настроениям: «А! Что-то будет не так, что-то случится!» А вся прожитая жизнь говорит об обратном. О том, что Господь каждый раз устраивает все наилучшим образом. Поэтому я без лукавства или преувеличения хочу сказать: слава Богу за все. **Ф.**

Подготовила **Валерия Михайлова**
Фото **Владимира Ештокина**
и из архива Владимира Крупенникова